
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО И ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 911.7

Лопатников Д.А. (Москва)

ГЕОЭКОЛОГИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Lopatnikov D.I.

GEOECOLOGY OF POSTINDUSTRIAL TIME

***Аннотация.** В статье автором исследуются экологические последствия постиндустриализации. Автор анализирует взаимовлияние экологизации и преобразования в территориальной структуре мирового хозяйства. Особое внимание уделяется перспективам формирования экологической лобби в России. Выдвигается гипотеза геоэкологического перехода.*

***Abstract.** In this article the author examines the environmental effects of postindustrialization. The author analyzes the mutuality of ecologization and transformation of the territorial structure of the world economy. And he gives special attention to the prospects of forming an ecological lobby in Russia. In conclusion, he speaks about the impact of the postindustrial stage of economic development on the global environmental situation.*

***Ключевые слова:** геоэкология, постиндустриализм, территориальная структура хозяйства (ТСХ), экологические проблемы, экологизация, геоэкологический переход.*

***Keywords:** geoecology, post industrialism, territorial structure of the economy (TSE), environmental problems, ecologization, geoecological transition.*

Введение. Обострение экологической ситуации в мире в индустриальную эпоху привело к развитию пессимистических, а в крайних формах – апокалиптических, взглядов на судьбу человеческой цивилизации. Это стало лейтмотивом главенствующих теоретических концепций в экологической мысли второй половины XX в. Между тем, возникающие очаги постиндустриального развития на карте мира и анализ их разрастания в последние четверть ушедшего века могут привести к переосмыслению устоявшихся концепций. Есть ряд признаков того, что постиндустриальное развитие не только порождает новые факторы углубления мирового экологического кризиса, но и способно создать социальные, экономические и политические стимулы экологизации мирового хозяйства.

I. Экофилософия постиндустриализма. Экофилософия постиндустриального общества опирается не на биоцентрист-

скую идею «спасти природу от человека», а на эоантропоцентристскую идею «спасти природу для человека». Только с опорой на эоантропоцентризм [3] возможен переход от антагонизма в отношениях между человеком и природой к их коэволюции на основе взаимовыгодного сотрудничества. «Экологическая волна» последней четверти XX в. связана не только и не столько с имеющим место объективным обострением экологической обстановки на Земле именно в этот период, сколько с субъективным «прозрением» жителей наиболее динамично развивающихся стран и стремительным последующим подъемом планки «качества жизни». Это создало важнейшую предпосылку перехода от неосознанного игнорирования экологических проблем в доиндустриальный период через их осознанное игнорирование в индустриальный период и время всемирных лихолетий к осознанному учету экологического фактора при переходе к постиндустриальному развитию.

Экологические притязания людей в постиндустриальных странах непрерывно растут. В постиндустриальном обществе экологическая составляющая выходит на передний план при оценке качества жизни в той или иной стране или в регионе. *Рост экологических притязаний по мере повышения уровня благосостояния людей становится одним из законов постиндустриального развития.* Именно постиндустриальные тенденции в обществе и прежде всего рост экологических притязаний людей стимулируют интерес к разработкам экофильных технологий, использование которых становится нормой. Утилитарный подход к природе как был в индустриальный период, так и сохраняется в постиндустриальный. Однако экологические последствия извлечения прибыли из шахт и карьеров и извлечения прибыли из чистых пляжей и живописных пейзажей противоположны. Постиндустриализм делает из «экологии» товар, она становится субъектом товарно-денежных отношений. При этом, как отмечает Г.А. Голубев «опыт последнего времени показывает, что относительная важность и приоритетность объектов природопользования постепенно смещается от природных ресурсов к геоэкологическим «услугам»» [1, с. 12].

Экоориентированный бизнес стал значимым сегментом хозяйства развитых постиндустриальных стран. *Качество окружающей среды становится ресурсом для постиндустриального общества и тем самым приобретает экономическую ценность.*

Главным изменением в ментальности людей постиндустриального общества становится переосмысление экологического неблагополучия среды, означающее отказ от идеи о неизбежности экологических издержек для эффективной работы хозяйства.

Если уровень экологических притязаний зависит от материального благосостояния, то качество этих притязаний зависит от общей культуры. Экологическую культуру бессмысленно рассматривать вне контекста культуры в широком понимании, в особенности культуры труда и быта. Только при опоре на анализ культурных стереотипов труда и быта в социуме выявляются многие цивилизационные, этнические, социальные особенности экоповедения людей и его последствия. Принципиально важно то, что экологически позитивные процессы в постиндустриаль-

ных странах происходят не благодаря рождению в этом обществе очередного «нового человека», а на базе наиболее консервативных и противоречивых родовых черт человеческой природы.

II. Экологически значимые постиндустриальные сдвиги в географии мирового хозяйства. Родиной постиндустриализма как очередной стадии мирового инновационного процесса, снова выступила западная цивилизация. На начальном этапе степень пространственной концентрации постиндустриализма высока, поэтому пока речь идет прежде всего о наиболее развитых странах Центра мирового хозяйства. На смену известной устоявшейся обобщенной модели мироустройства «Индустриальные (развитые, богатые) страны – индустриально неразвитые (развивающиеся, бедные, аграрные и т.д.)» приходит новая модель «Постиндустриальные (развитые, богатые) – индустриально неразвитые (развивающиеся среднеразвитые) – индустриально неразвитые (развивающиеся бедные, аграрные)». Конструкцию мирохозяйственного устройства «Развитые индустриальные страны – сырьевые и аграрные приатки» постепенно вытесняет новая конструкция «Постиндустриальные страны – индустриальные, сырьевые и аграрные приатки». В результате в постиндустриальном хозяйстве формируется качественно новая модель международного разделения труда.

Эколого-географический анализ стран Центра показывает, что в последние несколько десятилетий здесь протекают не только экологически негативные и опасные для всей планеты процессы, но, параллельно, и экопозитивные процессы. Неосознанное или осознанное игнорирование и, тем более, замалчивание этих процессов неизбежно искажают современную экологическую «палитру» на планете, приводя к своеобразному экологическому «дальтонизму».

Экологические угрозы постиндустриализации качественно меньше, чем экологические угрозы индустриализации. Суммарный экологически негативный эффект от большинства отраслей третичного сектора – сферы нематериального производства, многократно меньше, чем от отраслей первичного и вторичного секторов. При переходе к постиндустриальной модели экономики в этом секторе формируется мощное экологическое лобби – группа

отраслей хозяйства, жизненно заинтересованных в хорошей «экологии». Во многом именно их интересы заставляют отрасли первичного и вторичного секторов проводить экологическую санацию.

За последние 2–3 десятилетия процессы трансформации территориальной структуры хозяйства развитых стран под воздействием экологического фактора многократно усилились. Важнейшим фактором этого стала постиндустриализация экономики. Наблюдается усиление влияния экологического фактора на развитие ТСХ на всех уровнях территориальной иерархии. Экоантропоцентризм становится приоритетной «философией» при принятии размещенческих решений.

Территориальные очаги постиндустриализации – очаги экологической санации. Очаги индустриализации несли с собой экологические проблемы. Очаги постиндустриализации несут с собой экологическое оздоровление. По мере развития постиндустриальных тенденций в территориальную структуру хозяйства вкрапливаются экофильные элементы и сбрасываются экофобные.

Терциализация становится главным фактором реконструкции и экологической санации старопромышленных районов. В результате происходит не только экологическое оздоровление целых регионов, но и придается второе дыхание экономическому развитию депрессивных старопромышленных районов развитых стран. Развитие многофункционального третичного сектора позволяет перепрофилировать и возрождать к жизни депрессивные районы.

Ярким проявлением качественно новой территориальной организации хозяйства в условиях его терциализации стали технополисы, или в более общей форме – технопарки (города науки). Не только высокая технологическая оснащенность, но и максимально комфортные условия работы и жизни – важнейшие отличительные черты организации их функционирования. Экологический фактор здесь один из важнейших. По внутреннему территориальному устройству технополисы наиболее приближены к «поляризованному ландшафту» Б.Б. Родомана [6]. По своим экологическим характеристикам многие из них вполне можно называть экополисами. Этим пространственные «точки роста» постиндустриального времени принципиально отличаются от «точек роста»

индустриального времени – промышленно-городских агломераций.

По мере развития постиндустриальных тенденций происходит конвергенция антиподов – старопромышленных районов и технополисов в направлении их экологической оптимизации.

Если ликвидация крестьянства как класса сопровождалась массовым исходом из деревни в город, то массовый переход рабочего класса в «средний» класс происходит «на том же месте». Это становится мощным стимулом экологизации городской среды.

На экологическую ситуацию на территории (страны, региона) в постиндустриальную эпоху влияет не столько количество населения, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, сколько их качество, а также социальные, экономические и технологические средства, которыми располагает общество для решения экологических проблем.

Процесс экологизации идет не «вообще», а по конкретным направлениям в каждом конкретном месте. Выбор этих направлений чаще всего определяется не объективной остротой экологической ситуации, а формирующимися интересами населения и возможностями решения проблем.

Происходящие экологически значимые процессы в постиндустриальных странах, означают начало нового цикла в развитии отношений между человеком и природой. В постиндустриальных странах впервые появляется массовый спрос на «экологию». С другой стороны, формируется новая постиндустриальная модель экономики, которая имеет предпосылки для удовлетворения растущего спроса. Так как речь идет о странах, до последнего времени экологически наиболее неблагополучных, чье грандиозное хозяйство представляло и пока представляет реальную экологическую угрозу для всего мира, осознание этого особенно важно. Именно экологически позитивные процессы в постиндустриальных странах производят эффект «откладывающегося апокалипсиса» и пока еще не твердое, но все же основание для умеренного оптимизма, когда речь заходит о завтрашнем дне.

Эпицентр экологического неблагополучия из Центра мировой экономики в начале XXI века сместился на ее Полупериферию, что спровоцировало новую волну обострения экологических проблем в мире по мере роста

индустриальной мощи полупериферийных стран. Именно на Полупериферии мировой экономической системы в ближайшие десятилетия будут превалировать экофобные экономические процессы над экофильными, что создаст очаг как наибольшего внутреннего экологического неблагополучия, так и новый мощный центр глобальной экологической угрозы. При этом нужно иметь в виду, что общий уровень управляемости «экологией» в странах Полупериферии и Периферии ниже, чем в странах Центра. Все это неизбежно приведет к существенному усилению влияния экологического фактора в мировой геополитике. В отличие от развитых стран, где противвесом масштабных экологических проблем выступают непрерывно растущие возможности по их нейтрализации, а по ряду проблем и полного их разрешения, то у отстающих стран мировой Полупериферии и Периферии таких возможностей нет.

III. Геоэкологическое положение России в постиндустриальном мире. Доминирующие в обществе идеи пока не способствуют восприятию постиндустриализма как наиболее предпочтительного пути развития. Упорное непонимание или сознательное игнорирование того, что сфера нематериального производства (третичный сектор) – такой же реальный сектор экономики, как сельское хозяйство и промышленность, стало печальным и, по-видимому, закономерным продолжением традиционалистского мышления в стране, серьезно отставшей от новых мировых экономических реалий.

В современном мире развитие без экологизации есть деградация [5, с. 12]. Формирование по-настоящему сильного экологического движения в лице экофильных хозяйственных субъектов, партий и других общественных организаций, государственных органов возможно только в условиях растущего благосостояния людей, когда станет «до экологии». При этом решающим станет не очередная «революция сверху», а давление «снизу» по мере роста благосостояния людей и формирования массового среднего класса.

Закон роста спроса на «экологию» по мере роста благосостояния людей универсален и поэтому действует и у нас. «Экологические притязания» многих «новых русских» уже вполне сопоставимы с западными. Это наглядно проявляется, например,

в изменении критериев оценки жилья у людей различного достатка. Так же, как в богатых странах, наметились антропоцентристские тенденции экологизации потребительского рынка: стремительно растет производство бутылкированной воды, растет интерес к экологически чистым продуктам питания, устанавливаются бытовые фильтры для воды. Быстро растет спрос на самые различные формы рекреации и досуга.

Сегодня в России уже можно наблюдать формирование приоритетов экологической политики под воздействием постиндустриальных процессов. Центрами наиболее активной экологической политики и очагами экологической «санации» в России становятся столицы государства (Москва и Санкт-Петербург), а также территории в границах столичных агломераций, столицы субъектов федерации, «наукограды», закрытые города, туристские центры, курортные и рекреационные зоны.

При экологической оптимизации территорий должна возрастать роль их эстетических характеристик. При наличии социального заказа на «красивый ландшафт», то, в какой степени он будет «экологизирован», во многом будет зависеть от «предложения», т.е. грамотных, научно проработанных и осуществимых проектов организации территории со стороны профессиональных географов.

Если в России идея К. Г. Гофмана о том, что «экология – привилегия богатых» будет реализовываться буквально, то начнется поляризация ландшафта по модели «богатые (экологически чистые) – бедные (экологически грязные) территории». При таком раскладе, экологический фактор не только станет одним из факторов растущего социального расслоения, и соответственно, напряжения, но и усилится экофобная направленность организации территории.

Опыт постиндустриальных стран показывает, что не лозунговый, а *реальный социальный заказ на «экологию» формируется не по мере обострения экологической проблемы, которая при его отсутствии может дойти до катастрофических масштабов, а по мере роста экологических притязаний населения, которые растут параллельно с качеством жизни.*

Главная экологическая угроза на обозримую перспективу для России будет исходить не от становления «общества потребления»,

а от относительной бедности страны в сравнении с развитыми странами.

Экологическая политика не должна уподобляться богадельне. «Экология» должна стать выгодной. Нерыночные методы решения экологических проблем нужно рассматривать только как вспомогательные: они должны применяться в тех случаях, когда доказано, что рыночные методы менее эффективны или неэффективны вовсе.

IV. Постиндустриальный геоэкологический переход. Общая траектория трансформации глобальной экологической обстановки на планете определяется огромным и сложнейшим букетом природных и социально-экономических процессов [4]. Но нужно видеть, что, среди этих процессов все отчетливее выступают экофильные процессы. Принципиально важно то, что они детерминированы в первую очередь экономически. А во-вторых – технологически. Среди факторов, начинающих работать на замедление роста глобальной антропогенной нагрузки на планету и влияющих на экологически позитивные сдвиги в развитии мирового хозяйства, следует назвать, прежде всего, экопотребление, экологбб и экобизнес.

Одним из локомотивов экологического оздоровления мирового хозяйства выступает общество потребления. Именно с обществом потребления многие экологи связывают экологические бедствия на планете. Рационализация, и даже добровольное сокращение потребления называется одним из важнейших условий экологизации жизни. Понимание подобной «рационализации» – самое различное и в большинстве случаев зависит не столько от особенностей профессиональных подходов и компетенции, сколько от политических пристрастий. Борьба с обществом потребления, широко распространенная в отечественном экологическом сознании, по сути, означает борьбу с экономикой как таковой, ибо именно рост потребления является, с одной стороны, результатом продуктивного хозяйствования, с другой – главным стимулом дальнейшего развития экономики. Сдерживание общества потребления означает сдерживание экономического роста. Поэтому, как в масштабах сегодняшнего, очень экономически контрастного мира в целом, так и для большей части стран в обозримом будущем идея ограниче-

ния общества потребления, как минимум, утопична. Общество потребления – естественный плод эффективной хозяйственной деятельности и огромное достижение стран с воспитанными веками культурой труда народов в сочетании с грамотной экономической политикой их руководителей.

Сегодня неверно сводить сущность общества потребления к обогащению материальными благами. В развитых странах пик ажиотажа материального потребления прошел во второй половине ушедшего столетия. У граждан развитых стран меняются ценностные ориентиры – преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности уступило место заботе о качестве жизни. Современная экономика опирается на принципиально новые приоритеты в потреблении, которые составляет богатое постиндустриальное общество, где впервые в истории массовый спрос на нематериализованные товары сравнялся и зачастую начинает превосходить по стоимости спрос на материальные товары [9].

Удовлетворение спроса на «экологию» развивается в соответствии с экономическими законами и зависит от степени дефицитности товара, что создает естественное в условиях рынка неравенство для пользователей. В результате, экология, как уже отмечалось, все в большей степени становится «привилегией богатых». В этих условиях, одним из ключевых направлений государственной политики в области экологии в постиндустриальных странах становится борьба за превращение «экологии» из «товара для избранных» в «товар массового спроса», что закладывает основы *общества экопотребления*. Для этого, в частности, уже задействуются методы активного формирования экомиджа и спроса: мощная, направленная на массового потребителя реклама экологически чистых продуктов, здорового образа жизни, экологического туризма и т.п. Многие конкретные экологические программы государства в богатых странах ориентированы на «экологические» потребности среднего обывателя.

Становление общества экопотребления идет параллельно в тесной взаимосвязи с формированием *экологического лобби* в лице наиболее заинтересованных в благоприятной экологической обстановке отраслей. При переходе к постиндустриальной

модели хозяйственного уклада в третичном секторе формируется группа отраслей хозяйства, жизненно заинтересованных в хорошей «экологии». К таким отраслям можно отнести науку, культуру, образование, туризм [7]. Научная и творческая элита в развитых странах активнейшим образом успешно лоббирует самые разнообразные экофильные проекты как из «идейных» соображений, так и из откровенно корыстных. Для нее экологически благополучная среда – одно из необходимых условий эффективной и доходной работы.

Появление мощного экологического лобби в высокоразвитых странах показывает, что традиционные отечественные рецепты решения экологических проблем сегодня совершенно недостаточны. В большинстве случаев они сводятся к требованию государственного финансирования экологических программ. Однако финансирование экологических программ неверно считать решающим фактором успехов в экологизации жизни.

В целом, по мере роста благосостояния со стороны богатеющего обывателя возрастает экофильное «давление». В результате, издержки на «экологию» становятся все более весомой частью общих издержек производства предлагаемых на рынке товаров, материальных (особенно наиболее высокотехнологичных) и нематериальных. Это делает выгодным производство более экологически чистых автомобилей, поддержание в чистоте пляжей, очистку водоемов от мусора и др. экологически опасных воздействий человека. Многие экологические издержки трансформируются из внеэкономической категории в экономическую. «Экология» становится значимой компонентой выгоды в самых различных проявлениях: от торговли технологическими инновациями до торговли недвижимостью из экологически чистых материалов и с видом не на заводские трубы, а на живописное озеро, полное рыбы и дичи, как, например, во многих, некогда наиболее экологически грязных районах США. Утилитарный подход к природе как был в индустриальный период, так и сохраняется в постиндустриальный. Однако экологические последствия извлечения прибыли из шахт и карьеров и извлечения прибыли из чистых пляжей и живописных пейзажей противоположны. Значимым сегментом хозяйства высокоразвитых стран

стал *экоориентированный бизнес*. У нас много пишут о выводе грязных производств из развитых стран в развивающиеся. Но куда меньше о том, что далеко не единичные примеры модернизации наиболее экологически опасных производств в самих высокоразвитых странах доказывают, что благодаря научно-техническому прогрессу, экологически «безнадежных» производств нет. Есть проблема, как говорят «цены вопроса».

Заключение. Опыт развитых стран показывает, что, в условиях грамотного использования рыночных механизмов, когда «экология» становится выгодной, нерыночные методы решения экологических проблем нужно рассматривать только как вспомогательные – они должны применяться в тех случаях, когда доказано, что рыночные методы менее эффективны или неэффективны вовсе. Конечно, рыночные механизмы применимы для решения многих, но не всех экологических проблем и не во всех странах в равной степени. Например, меньшая их эффективность в России – прежде всего «проблема роста», а не просто «российская специфика» или тем более, родовая черта рынка вообще. В конце XX– первом десятилетии XXI века как на планете в целом, так и в отдельных регионах и странах мира произошли значимые изменения в экологической обстановке. Анализ макроэкологической статистики 2000-х гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. В начале XXI века закончилась эпоха прямой зависимости остроты экологических проблем от масштабов мирового хозяйства. Это было характерно для индустриального времени. Сегодня острота экологических проблем в большей степени зависит не от плотности населения или количества хозяйственных объектов на конкретной территории, а от их качества. Экоориентированная модернизация промышленных предприятий, даже традиционно наиболее грязных, модернизация транспорта позволяют качественно улучшать экологические параметры хозяйствования не в ущерб росту производимого продукта. В целом, экологическая статистика последней четверти века свидетельствует о том, что рост глобальных экологических издержек по базовым показателям, начиная от пресловутых выбросов CO_2 , SO_3 и т.п. идет медленнее, чем рост мирового валово-

вого продукта. В ряде стран экономический рост сопровождался сокращением как удельных, так и абсолютных значений традиционных, фиксируемых статистикой, экологических издержек, что принципиально важно (как, например, в Германии).

Один из наиболее масштабных сдвигов в мировой экологической панораме в конце XX-начале XXI в. – смещение традиционно, сложившегося в XX в. эпицентра экологического неблагополучия из высокоразвитых стран Центра мирового хозяйства в наиболее динамично развивающиеся страны мировой Полупериферии. Речь идет, прежде всего, о быстро развивающихся странах Азии и Латинской Америки. Именно на Полупериферии мировой экономической системы в начале нынешнего века превалировали экофобные экологические процессы над экофильными, что создало здесь новый мощный центр глобальной экологической угрозы. При этом общий уровень управляемости экологической обстановкой здесь ниже, как и слабее выражен социальный заказ на «экологию». Это позволяет как национальным, так и транснациональным компаниям работать в условиях относительно низкого уровня экологических требований. Решающий вклад в данный тренд внесли Китай и Индия.

В целом, модернизация экономики в конце XX – начале XXI вв. стала значимым фактором набирающих обороты экологически позитивных процессов в мировом хозяйстве. Параллельное развитие как эконегативных, так и экопозитивных процес-

сов в макрорегионах мира приводит к усилению мозаичности экологической панорамы. Стало калькой, что экологическая обстановка в мире ухудшается. По-видимому, в начале нынешнего века она скорее не ухудшается, а – пространственно усложняется. Это одно из свидетельств того, что мир вступил в стадию «экологической бифуркации». И это, в свою очередь, дает надежду на то, что после ее прохождения, следующей будет стадия эколого-экономической стабилизации. Есть достаточно признаков, свидетельствующих о том, что экологический переход приближается к «точке перегиба». Об этом говорят набирающие обороты экопозитивные процессы в развитых странах. Они будут продолжаться и усиливаться по мере модернизации экономики, научно-технического прогресса, улучшения качества жизни людей и развития гражданского общества. Не сразу, но данные процессы неизбежно начнут все более явственно проявляться и в «догоняющих» странах. Этот непростой многоэтапный процесс в конечном итоге обеспечит, как минимум, уход от «экологического апокалипсиса» в долгосрочной перспективе.

Было бы совершенно ошибочно представлять, что постиндустриализм снимет экологическую проблему как таковую. Но сегодня есть основания говорить о том, что именно постиндустриальные тенденции сняли напряжение в экологической обстановке на планете к концу XX в., что обусловило уход от панически-алармистских оценок мирового развития в начале XXI в.

Библиографический список

1. Голубев Г.А. Основы геоэкологии. М.: Кнорус, 2013.
2. Гофман К.Г., Федоренко Н.П. Экономическая защита природы // Коммунист. 1989. № 5. С. 12–18.
3. Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 20–28.
4. Исаченко А.Г. Страноведение и геоэкология: желаемое и действительное // Известия РГО. 2014. Вып. 4. С. 45–57.
5. Ключев Н.Н. Эколого-географическое положение России и её регионов. Дисс. ... докт. геогр. наук. М.: ИГ РАН, 1996.
6. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002.
7. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Академия, 1999. С. 337–371.
8. Шупер В.А. Инновационное развитие в свете евразийской концепции Л.Н. Гумилева // Политическая концептология. 2012. № 4. С. 123–130.
9. Bell, Daniel. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Harper Colophon Books, 1974.
10. Kuznets S. Economic growth and income inequality // Am. Econ. Rev. 1955. Vol. 49. P. 1–28.
11. Simon, Julian. The Ultimate Resource 2. Princeton University Press, 1996.